

Новая Польша 11/2013

0: УМЕР ТАДЕУШ МАЗОВЕЦКИЙ

- «В возрасте 86 лет умер Тадеуш Мазовецкий. Ушел из жизни премьер-министр независимой Польши. Первый некоммунистический премьер Третьей Речи Посполитой, советник «Солидарности», а впоследствии и президента, специальный представитель ООН (...) Тадеуш Мазовецкий скончался 28 октября в 6 часов утра». («Факт», 29 окт.)
- «Когда 13 декабря 1981 г. Тадеуш Мазовецкий был доставлен в отделение милиции на Курковой улице в Гданьске, он был скован наручниками. «Он, воплощение спокойствия, и в наручниках? Это была самая настоящая трагикомедия», — вспоминает Генрик Вуец. (...) Он был небогат, скитался по небольшим квартиркам. (...) Его первая жена Кристина умерла через год после свадьбы. (...) Вторая жена, Эва, родившая ему трех сыновей, умерла в 1970 г. (...) Бремя воспитания детей легло на его плечи. Когда Мазовецкого интернировали, самому младшему было 13 лет. (...) Когда он стал премьер-министром и практически ночевал в здании правительства, сыновья навещали его, чтобы пообедать вместе или просто побыть с отцом. (...) Старшие сыновья помогали Мазовецкому в подготовке послания премьера», — АН. («Супер-экспресс», 29 окт.)
- «Должность премьер-министра Лех Валенса предложил именно ему. (...) Тогда, в сентябре 1989 г., это был кандидат «Солидарности», кандидат свободной Польши и поэтому мой кандидат. (...) Он взял на себя миссию, о которой заранее было известно, что она невыполнима. (...) Совершал ли он ошибки? Тогда мне казалось, что их было множество. Хаотичная люстрация, по-прежнему влиятельное положение спецслужб, неумелая декоммунизация и слишком робкая реприватизация. Теперь же я сомневаюсь, что в те годы был возможен иной, более решительный сценарий. Так или иначе, всё это не имеет никакого значения на фоне достигнутого: Мазовецкий и его последователи оставили нам нормально работающее государство. (...) И хочется просто сказать: “Спасибо за Польшу, пан Тадеуш!”», — Богуслав Храбета, главный редактор газеты «Жечпосполита». («Жечпосполита», 29 окт.)
- «Работа правительства Мазовецкого началась в обстановке царящего в экономике хаоса, небывалой инфляции, стремительно растущей безработицы, элементарной нехватки госфинансов и непрочности административных структур». (Элиза Ольчик, «Жечпосполита», 29 окт.)
- «Реформы Мазовецкого носили поистине судьбоносное значение, они изменили нашу действительность. (...) В самый что ни на есть переломный момент ему удалось использовать ситуацию по максимуму. (...) Он был человеком решительным и принципиальным, при этом начисто лишенным агрессии. Это крайне редко встречается в наши дни, когда вокруг так мало политиков со своими принципами, зато сколько угодно политиков, настроенных агрессивно», — Лешек Бальцерович. («Супер-экспресс», 29 окт.)
- «Он был сторонником диалога между политическими элитами, и его несомненной заслугой стало то, что до сведения счетов и политического возмездия, к счастью, не дошло», — Пшемислав Велгош, главный редактор польского издания «Le Monde Diplomatique». («Дзенник — Трибуна», 29 окт.)
- «Как-то он сказал о себе: «Я христианин и демократ, но я не отношусь к христианским демократам». (...) В первую очередь он был польским государственным деятелем в лучшем значении этого слова. Он хотел служить единой Польше и служил ей бескорыстно и самозабвенно». (Александр Халь, «Жечпосполита», 29 окт.)
- «“От нас ушел человек, который имел смелость в решающие минуты проявлять высокую мудрость, и мы благодарны ему за это”, — растрогавшись, попрощался с Тадеушем Мазовецким президент Бронислав Коморовский. (...) “Я могу быть хорошим премьер-министром или плохим, но я никогда не стану премьером-марионеткой” — сказал Тадеуш Мазовецкий за день до своего назначения на пост председателя правительства в августе 1989 года. (...) Его обморок во время официального выступления вошел в историю. Как известно, Мазовецкий обратил это в шутку: “Прошу прощения у высокого собрания, но, работая по ночам, я довел себя до состояния, в котором нынче пребывает польская экономика... Однако, как видите, я всё же пришел в себя”. Депутаты встретили эти слова аплодисментами. (...) В 1992-1995 гг. он был специальным представителем Комиссии ООН по правам человека в Боснии и Герцеговине, но ушел в отставку в знак протеста против бездействия мировых держав, не сумевших предотвратить массовые убийства на территории бывшей Югославии». (Сильвестр Рушкевич, «Супер-экспресс», 29 окт.)

- «Это Мазовецкий установил, что этнические чистки — не побочное явление на этой войне, а ее основная цель. Это благодаря его настойчивости изнасилование стало считаться военным преступлением. Это он первый заявил, что журналисты, подстрекающие к совершению преступлений, несут за это часть политической ответственности, а должны нести еще и ответственность уголовную. (...) Мазовецкий решил навестить лагерь беженцев под Тузлой. (...) Люди смотрели на нас с ненавистью. (...) Кто-то узнал его и крикнул: «Это не ООН, это Мазовецкий!» (...) К нему выстроилась целая очередь свидетелей, ему доверяли. Благодаря услышанному в этот день Мазовецкий стал первым высокопоставленным сотрудником миссии ООН, подавшим в отставку в знак протеста против политики этой организации». (Давид Варшавский, «Газета wyborcza», 29 окт.)
- «Одним из важнейших событий во время правления Мазовецкого стала «месса примирения» в Кшижовой в ноябре 1989 г., в которой Мазовецкий участвовал вместе с тогдашним канцлером Германии Гельмутом Колем». («Газета польска», 29 окт.)
- «Он учил нас мыслить на далекую и непрерывную перспективу, руководствуясь при этом не интересами партий или отдельных социальных групп, но интересами всей Польши. (...) Он задал высокие стандарты политической деятельности, мечтая совсем о другой политике, имеющей мало общего с той, которую мы наблюдаем сегодня». (Ежи Осятынский, «Супер-экспресс», 29 окт.)
- «Человек, абсолютно не поддающийся искушениям властью, он был, кажется, лучшим премьером в истории Польши. За 14 месяцев он заложил фундамент демократического суверенного государства, решил все вопросы относительно польско-немецкой границы, инициировал первые свободные выборы в органы местного самоуправления, взял на себя всю ответственность за «шоковую терапию» в экономике. Он поплатился за это — на президентских выборах Мазовецкий не попал во второй тур, зато вошел в историю», — Ярослав Курский, заместитель главного редактора «Газеты wyborczej». («Газета wyborcza», 29 окт.)
- «Он чувствовал: то, что он делает — хорошо, правильно и надолго. Его, скорее, расстраивало происходящее в Польше в последние годы: надуманные обвинения, низкий уровень и безудержность политических баталий, демагогия. Нападки на него самого Мазовецкого не беспокоили — его огорчал характер современного политического дискурса, то бишь политическая агрессия, подрывающая устойчивость государственной власти». (Анджей Фришке, «Газета wyborcza», 29 окт.)
- «Мало на кого из политиков нападали так безжалостно и подло, как на Мазовецкого. Он же охотно прощал своих противников. Сегодня он покидает нас, окруженный всеобщим уважением и благодарностью. Каждый мыслящий и честный человек понимает, что Тадеушу Мазовецкому принадлежат лучшие страницы польской истории. Свободная Польша прощается со своим первым премьер-министром, премьером мудрости, спокойствия и силы, премьером терпимости и человечности, премьером, у которого была своя четкая позиция», — Адам Михник. («Газета wyborcza», 29 окт.)

составил Виктор Кулерский

1: ПОЛИТИКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Хотя у лозунга «Politique d’abord» очень плохие коннотации (итало-фашистское происхождение), однако же в польских условиях он находит хорошее применение, если мы отнесем его к идее общности. Тезис, который я намереваюсь здесь кратко отстаивать, звучит следующим образом: все формы связи и общности обладают своими достоинствами (а иногда и серьезными недостатками), однако Польше нужна общность фундаментальная, иными словами, политическая. Общность политических интересов. Существует превосходная формулировка, определяющая это состояние сознания, однако ее гнусным образом использовал Болеслав Пясецкий в названии своей статьи (а потом и книги), датированной 1956 г., — «Государственный инстинкт». И на сей раз генезис этой формулировки не слишком интересен, поскольку она восходит к эндекам [национал-демократам], но сама формулировка превосходно передает то, что составляет политическую общность, понимаемую как общность интересов.

Общность интересов — это не просто агрегирование интересов всех граждан или только, к примеру, всех предпринимателей; здесь возникает важная добавленная ценность. Эта ценность заключается в одновременном укреплении демократии и государства как организации всех граждан. Каков же тогда смысл и каковы ограничения политической общности?

Наиболее отчетливо эти проблемы видны, когда мы перечислим ситуации, в которых бывает плохо, если политическая общность не функционирует. Во-первых, ясный и долгосрочный выбор ориентации в

международной политике. Во-вторых, отчетливое определение приоритетов во внутренней политике — приоритетов, известных всему обществу и одобряемых значительным его большинством, хотя здесь появляется проблема формы такого одобрения. В третьих, при реализации всяких критически важных задач — соучастие оппозиции в решениях, касающихся указанных приоритетов. Наконец, в четвертых, согласование стабильных взаимоотношений между центральными властями в государстве, а также согласование стабильных взаимоотношений между этими властями и другими институтами — самоуправленческими [региональными муниципальными], экономическими или образовательными. Лишь наличие всех названных элементов долгосрочной политики может вести к построению реальной политической общности в сознании общества, причем это сознание — совсем не то, что патриотическое, национальное сознание или сознание на уровне гражданского общества. Разумеется, в формировании политической общности текущие варианты поведения политиков могут играть лишь небольшую роль. Если исключить ту анахроническую модель государственности, которую в Польше представлял, например, Юзеф Пилсудский, иными словами, модель сильного лидера и объединения общества вокруг общих задач, а также отказа от межпартийных споров (забавно, что Эдвард Герек пробовал — по меньшей мере, в языковом пласте — подражать поведению Пилсудского), то политики должны в какой-то степени служить политической общности, а не формировать ее. В парламентской демократии политики располагают для своих действий относительно коротким временем, так что они должны уже заставить политическую общность и оставить ее после себя, насколько это удастся, в еще более прочном состоянии.

Коль скоро мы ждем построения политической общности не от политиков, то от кого? Можно сказать, что это процесс, который должен происходить самопроизвольно и которому содействуют или хотя бы не создают препятствий многие факторы, институты и люди. В первую очередь политики, СМИ и публицисты, а также политические философы должны хорошо отдавать себе отчет, в какой реальности либеральной демократии функционирует Польша. Существует весьма богатая и, наверно, легко поддающаяся описанию — хотя и не обязательно одобряемая анахронической политикой — сфера того, что очевидно и по поводу чего не должно быть споров. К этой сфере принадлежат такие, например, факты, как участие Польши в международных структурах (безусловно, прежде всего в Евросоюзе), которые естественным образом ограничивают суверенитет государства, но это неизбежная цена. В деталях можно вести споры на эту тему, однако в принципе разговоры о полностью суверенном государстве означают в наше время разговоры о государстве, изолированном от международных договоренностей. Бесспорно, есть также некоторые неизбежные варианты поведения, скажем, вхождение Польши в зону евро или же — во внутренней политике — сохранение отчетливого разделения властей либо соблюдение прав человека.

Однако многие из фундаментальных проблем политической общности далеко не очевидны, и тут всё зависит от постепенно выстраиваемого политического сознания, а также от политических институтов. Здесь роль политиков несколько больше, но самыми важными должны быть результаты ведущихся напрямую и косвенно публичных размышлений.

Присмотримся к трем примерам: структуре и централизации (либо децентрализации) исполнительной власти, к системе образования и партийной системе.

Демократическое государство может быть как сильно централизованным, так и сильно децентрализованным. Огромное большинство теоретиков демократии, от Алексиса де Токвиля и до лорда Актона, а далее — в наше время — до Роберта А. Даля, высказывается в пользу радикальной (хотя и далекой от анархизма или либертарианства) децентрализации демократического государства, так как лишь децентрализация приводит, по их мнению, к тому, что демократия реально действует. С социологической точки зрения тоже нет никаких сомнений, что малые политические общности лучше складываются в крупную и обеспечивают ей более прочное существование, чем ее построение сверху. Однако это остается предметом продолжающихся политических споров, доказательством чего служит состояние органов самоуправления в Польше и их юридически-формальные права, а также финансовая оснащенность. В Польше никогда (кроме короткого периода неполных дебатов во времена премьерства Ежи Бузека) не велась серьезная публичная дискуссия ни на тему самоуправления, ни — в первую очередь — на тему децентрализации. А ведь это составной элемент государственного строя, и в действиях, касающихся данного вопроса, необходим выбор одного четко выраженного направления. Бесспорно, такую дискуссия тормозят политики, очень редко желающие отдать хоть бы часть власти на нижестоящий уровень, а также те политики, которые опасаются — совершенно безосновательно, как указывает польский и мировой опыт, — что гражданский контроль будет в случае децентрализации слабее, а значит, возрастет коррупция.

Как уже отмечалось, политическую общность характеризует установление и одобрение долгосрочных приоритетов. В Польше все знают и неустанно повторяют, что таким приоритетом является образование, а также наука. В принципе об этом известно всем на свете. Однако в Польше для реализации этого приоритета делается

очень немного. Ответ, что не хватает денег, не годится, потому что никогда не бывает, чтобы денег хватало на всё. Приоритет означает, что с согласия политической общности на образование и науку предназначается непропорционально много за счет других сфер жизни, но никакой политик и никакая политическая партия не сделает этого без согласия политической общности, тогда как последняя его не дает, потому что ее не существует. А даже если бы она и существовала, то понадобилось бы ее убедить, но за такую задачу никто не спешит браться.

Наконец, третий пример — политические партии. Так вот, польская партийная система — плохая, закоряченная, а идея представительства (как и во всем западном мире) переживает принципиальный кризис. Партии и не формируют политическую общность, и не содействуют ее построению, а лишь уничтожают ее остатки. Почему так происходит? Ответ сложен, но мы в состоянии указать один несомненный фактор, а именно: пропорциональную избирательную систему. Во времена серьезного кризиса принадлежащей XIX веку идеи представительства только смешанная избирательная система (необязательно мажоритарная, но почему бы и нет?) представляет собой до известной степени эффективное лекарство против партийности политической жизни, которая тождественна умерщвлению политической общности. Это лекарство не назовешь чрезвычайно эффективным, но оно необходимо, после него можно прописывать другие. Имеется так много неплохих смешанных избирательных систем (хотя бы французская или немецкая), что трудно понять, почему в Польше методично на протяжении двадцати лет отказываются от принятия проверенных решений, которые, несомненно, способствуют построению политической общности.

Следовательно, мы имеем дело с заколдованным кругом. Действия с целью построения политической общности не предпринимаются, и это ведет к тому, что политика носит сиюминутный характер, а политики боятся принимать те решения, которые могли бы оказаться для них невыгодными на ближайших выборах. Можно ли разорвать этот порочный круг? Да, наверное да, может быть да, но это будет очень трудно. Перечисленные для примера проблемы — и многие другие — должны стать предметом публичного обсуждения или размышления, но такое невозможно, пока не удастся убедить в этом тех, кто их ведет и кто с них живет, иначе говоря, СМИ и публицистов. Поэтому гражданские инициативы должны быть направлены прежде всего на то, чтобы спасти то, что в СМИ публично. Другими словами, принуждать к той серьезности, которой, вне сомнения, ждут граждане, никем не трактуемые всерьез. Вот роль для гражданских инициатив, хотя почти всё зависит от их способности достучаться до средств информации и от того, принудят ли они политику не к другому тону, но к принципиально другим типам содержания, нежели те, для реализации которых достаточно администрации.

Из сборника «Jaka wspólnotowość Polaków w XXI wieku?» Instytut Badan nad Gospodarkę Rynkową, Gdansk 2010.

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Россия и Белоруссия начинают совместные учения «Запад-2013», при этом роль воображаемого противника их армий досталась Польше и странам Прибалтики. Это не столько гипотетическая установка, сколько главный элемент российской военной стратегии, которая как врага рассматривает НАТО, в особенности восточные рубежи северо-атлантического блока, то есть нас». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 19 сент.)
- «До четверга продлятся в Калининградской области российско-белорусские учения, в которых участвует 22 тыс. военнослужащих, танки, самолеты, вертолеты, корабли и новейшие военные роботы. Когда учения происходят в непосредственной близости от нашей границы, одним из сценариев предусмотрен воображаемый ядерный удар по Варшаве. (...) Реакцией НАТО (...) могут стать запланированные на ноябрь учения, которые пройдут на территории Польши и Прибалтики (...). Участвовать в них будет несколько тысяч военных, в том числе французских, британских и американских». («Газета польска цодзенне», 25 сент.)
- «Россия уже не меньше года обучает свои вооруженные силы быстрым воздушно-десантным и ракетным ударам. Недавние большие маневры в Восточной Сибири доказали, что российская армия значительно усовершенствовала свои навыки в быстрой переброске соединений на большие расстояния. Российские войска уже в состоянии атаковать в ходе марш-броска без предварительной подготовки». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 21-22 сент.)
- «Когда в 120 км от нашей границы должна появиться российская авиабаза (...) не время уклоняться от ответов на неудобные вопросы», — Витольд Юраш, бывший генеральный консул Польши в Белоруссии. («Дзенник — Газета правна», 25 сент.)
- «Таких масштабных учений, как начинающиеся через месяц учения «Стедфаст джаз-2013», северо-атлантический альянс не проводил с 2006 г.; более того, это первые такие учения на территории новых членов

ЕС — стран Центрально-Восточной Европы. (...) Военные из западных стран-участниц альянса впервые участвуют в учениях в такой непосредственной близости от границ России, которая полагает, что войска НАТО вообще не должны появляться в этом регионе. Натовские же самолеты смогут теперь долететь до российской границы за полминуты. (...) О своем участии в учениях заявили 20 из 28 членов ЕС, а также Украина. (...) В операции примут участие элитарные подразделения, способные отразить атаки такой мощной убойной силы, которой в Восточной Европе располагает только Москва». (Енджей Белецкий, Ежи Хацинский, «Жечпосполита», 1 окт.)

- «“Отступать некуда, позади Москва”, — эти слова процитировал в Ялте Александр Квасневский. Таким оригинальным образом бывший президент Польши подвел итоги трехдневного совещания Ялтинской европейской стратегии (YES), которое из года в год организует фонд Виктора Пинчука. (...) Слова Квасневского вызвали горячее одобрение присутствовавших. Москва делает всё, чтобы помешать подписанию Соглашения об ассоциированном членстве Украины в ЕС, запланированному на ноябрь 2013 г., когда в Вильнюсе начнет свою работу саммит “Восточного партнерства”». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 25 сент.)

- «В 1988 г. (...) я смотрел интервью, которое генерал Войцех Ярузельский дал советскому телевидению. (...) У него спросили: «Товарищ генерал, какой самый важный урок для себя вы извлекли во время пребывания в Советском Союзе?». В ответ Ярузельский неожиданно перешел на русский: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим!» (...) Два года назад я разговаривал с ушедшим недавно Асаром Эппелем, выдающимся переводчиком художественной литературы, большим знатоком польской ментальности. (...) Я спросил у него, почему поляки заставили Ярузельского предстать перед судом. Его ответ был странным и запутанным, но по сути справедливым: “Поляки судят Ярузельского за то, что он не позволил русским нанести им еще одну глубокую рану, бередить которую можно бы было потом очень долго”», — Петр Черемушкин. («Газета wyborcza», 28-29 сент.)

- «Президенты Бронислав Коморовский и Виктор Янукович подписали в понедельник в Кракове договор о сотрудничестве между Польшей и Украиной на 2013-2015 гг. Главы государств также обсудили Соглашение об ассоциации, которая должна сблизить Киев с ЕС. «Европейская интеграция чрезвычайно важна для нас», — подчеркнул Янукович. (...) «Вместе с президентом Коморовским мы немало сделали для подготовки к вильнюсскому саммиту. Полагаю, что совещание относительно европейской интеграции обязательно принесет свои плоды», — заявил украинский президент. (...) «Всегда было очевидно, что сотрудничество Польши и Украины, а также процесс сближения Украины и ЕС относятся к вопросам стратегического характера», — комментировал итоги встречи Коморовский. (...) Вечером он встретился с президентами Италии и Германии, Джорджо Наполитано и Йоахимом Гауком, позднее к ним присоединился Виктор Янукович. (...) Во вторник в Краков придут также главы Финляндии, Латвии, Эстонии, Болгарии и Португалии». (Бартоломей Кутась, «Газета wyborcza», 8 окт.)

- «Ежегодно Польша выдает гражданам Белоруссии свыше 300 тыс. виз — это половина всех виз, выдаваемых странами Евросоюза вместе взятыми. Белорусские власти годами не соглашались на увеличение количества польских консульских учреждений и сотрудников консульств, равно как и на заключение договора о малом приграничном движении. (...) В настоящее время польский консул в среднем выдает белорусам 110 виз в день, что можно назвать абсолютным рекордом». (Наталя Радина, «Газета wyborcza», 10 сент.)

- «Свящ. Владислав Лазарь (...) был арестован 27 мая, в настоящее время он находится в следственном изоляторе КГБ. (...) КГБ обвинило Лазаря, у которого, кроме белорусского гражданства, имеется еще и «карта поляка», в государственной измене». (Из Гродно Анджей Почобут, «Газета wyborcza», 14-15 сент.)

- «В Вербковице Люблинского воеводства депутаты совета гмины не позволили православным монахиням построить на своем участке часовню и звонницу. (...) Барбара Крыщенко, бывший секретарь товарищества сельских школ: “Православные у нас однозначно ассоциируются в российском гнетом времен разделов Польши. Дома, в которых поселились монахини, были построены с целью русификации”». («Газета wyborcza», 30 сент.)

- «“За мужество в утверждении ценностей гражданского общества, решительности в создании фундамента свободной экономики, а также за принципиальную позицию в борьбе за справедливость и человеческое достоинство”, — так обосновало вручение премии им. Леха Валенсы Михаилу Ходорковскому. О том, что именно он станет лауреатом этой премии, заявил в Гданьске сам Валенса. 29 августа в гданьском Дворе Артура диплом, статуэтку и чек на 100 тыс. долларов получит представляющий российского диссидента его сын Павел. Деньги будут перечислены указанной лауреатом организации». (Вацлав Радзивинович, «Газета wyborcza», 27 сент.)

- «С 2010 года в бывшем концлагере Трешлинка проходят встречи молодежи Польши и Израиля. Мероприятия в рамках проекта «Мы вместе» в этом году проходят в четвертый раз. В них принимают участие 600 школьников обеих стран. (...) Программой также предусмотрена дискуссионная платформа с участием ста работников органов самоуправления из местностей, в которых до войны жили евреи. (...) В Освенциме уничтожали евреев со всей Европы, в Трешлинке же — польских евреев». (Томаш Ужиковский, «Газета выбора», 2 окт.)
- «Израэль Гутман (1923-2013). Родившийся в Польше израильский историк (...) скончался в Иерусалиме в возрасте 90 лет. “Он был тесно связан с Польшей, особенно с Варшавой, где родился и вырос, поэтому интересовался не только польским языком и культурой Польши, но даже погодой в польской столице”, — рассказывает Тами Гутман, дочь историка. (...) Он участвовал в восстании в варшавском гетто в 1943 г., где был ранен, был узником немецких концлагерей, в том числе Освенцима». («Жечпосполита», 2 окт.)
- «“Освенцим — ваш дом, вся Польша это знает!”, “Евреи — вон!”, “В газовую камеру!” — скандировали на стадионе футбольные фанаты познанского «Леха» во время матча с лодзинским «Видзевом». Стефан Антковяк, глава Великопольского футбольного союза, патронирующего «Лех»: “Я ничего не слышал. На стадионе слабая акустика”». («Газета выбора», 1 окт.)
- «Полтора десятка мужчин с бейсбольными битами и горящими факелами напали в Лодзи на цыганскую семью. Хотели поджечь их дом, избили пожилую женщину. (...) Клаудия: “Спустя несколько часов двое других бандитов снова появились у нас во дворе. (...) Кричали, что поубивают нас, если мы обратимся в полицию”». («Газета выбора», 9 окт.)
- «“В Польше есть проблема под названием «ксенофобия», которая часто толкает некоторых людей на совершение преступлений”, — констатировал на вчерашней пресс-конференции генеральный прокурор Анджей Шеремет. Он также обязал руководителей апелляционных прокуратур назначить в каждом округе одну или две районные прокуратуры, ответственные за расследование преступлений, совершенных по мотивам ненависти». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник — Газета правна», 25 сент.)
- «Первое место в варшавском марафоне занял представитель Польши Яред Схегумо, родившийся в Аддис-Абебе. Польское гражданство он получил десять лет назад. В марафоне приняло участие 8672 спортсмена, финишировало 8505». (По материалам «Жечпосполитой» и «Газеты выбора» от 30 сент.)
- «После «Диагноза» 2011 г. были все основания говорить о Польше как о стране, которая продолжает активно развиваться во всех направлениях. Сегодня же этот сладкий образ всё отчетливее горчит. (...) Большинство поляков в последние годы заявляют, что чувствуют себя счастливыми и довольными жизнью, однако наши реальные доходы снизились за эти самые годы на 5%. Несмотря на это, выросла доля людей со сбережениями, в 76% домашних хозяйств постоянные доходы позволяют удовлетворять все актуальные насущные потребности. (...) Ложкой дегтя в этой бочке меда выступает тот факт, что на 1% поднялся уровень нищеты. (...) А динамика перемен серьезно сбавила скорость. (...) В сфере экономики наступил застой, а цивилизационное развитие значительно притормозилось. Мы не относимся к странам с устойчивой экономической иерархией. (...) Половина тех, кто еще два года назад относился к беднейшим слоям населения, сегодня оказались среди людей с высокими доходами. В то же самое время половина зажиточных граждан переместились в группу людей с низкими доходами. (...) Эпоха преобразований подошла к концу. Поляки ожидают усовершенствования государственного аппарата, исправления ошибок и корректировки неудач, им нужны постепенные изменения к лучшему, а не новая революция. (...) Мы негативно оцениваем состояние нашей правовой системы, полагаем, что рынок труда плохо организован, но довольно часто можем предъявлять претензии и к самим себе. Ибо мы часто закрываем глаза на нечестную игру, пренебрежение общественным благом, не доверяем друг другу, не хотим объединяться и действовать сообща, не создаем механизмов общественного контроля за государственными институтами», — профессор Януш Чапинский («Газета выбора», 4 окт.)
- «В конце 2012 г. 2,13 млн. поляков находилось за границей (это на 70 тыс. больше, чем в 2011 г. и на 130 тыс. больше, чем в 2010-м). Свыше 1,4 млн. из них — не старше 39 лет, среди них 226 тыс. детей в возрасте до 15 лет. Самую большую группу эмигрантов составляют люди в возрасте от 25 до 34 лет, их 726 тысяч. В Польше в 2013 г. число умерших может на 40 тысяч превысить численность новорожденных. Только в первом полугодии родилось 183 тыс. детей (на 9 тыс. меньше, чем год назад), а умерло 202 тыс. поляков (на 7,6 тыс. больше)». («Жечпосполита», 7 окт.)
- «В этом году 25 детей и подростков стали жертвами убийц. Это в два раза больше, чем в прошлом году. (...) В их числе есть как младенцы, так и дошкольники, замученные собственными родителями. (...) В течении восьми месяцев этого года зафиксировано 23 убийства малолетних. (...) В 2012 г. было совершено 13 убийств малолетних». (Гражина Завадская, «Жечпосполита», 1 окт.)

• «Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) каждые три года проверяет знания и умения 15-летних подростков со всего мира. (...) Впервые Польша приняла участие в Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся в 2000 году. (...) Наши 15 летние школьники продемонстрировали тогда довольно средний уровень по сравнению с детьми из более развитых стран. Три года спустя, когда появилась возможность оценить результаты реформы образования, проведенной министром Мирославом Хандке, польские дети заняли 13-е место по чтению и 18-е по математике, незначительно опередив по обоим показателям подростков из США. А потом дела пошли еще лучше. В 2003-2006 гг. число учащихся, которые плохо читали и писали, снизилось на 30%. (...) «До 2009 г. Польша наглядно опережала США в математике и естественных науках, тратя при этом на каждого ученика менее половины того, что расходовали Штаты», — пишет Аманда Рипли в книге “The smart kids in the world: and how they got that way”. (Роберт Севёрек, «Тыгодник повсехный», 15 сент.)

• «Уже десятый год подряд составляется рейтинг вузов всего мира — Academic Ranking of World Universities (так называемый шанхайский список). (...) Два польских университета, Ягеллонский и Варшавский, оказались в группе 301-400. (...) Примерно так же мы выглядим в классификации The Times Higher Education World University Ranking. (...) В свежем рейтинге оба этих польских университета оказались в последней группе между 351-м и 400-м местами. (...) В 2005 г. число поступивших в польские вузы составило почти два миллиона человек. (...) В прошлом году эта цифра оказалась на 236 тысяч меньше. (...) В начале сентября этого года в процессе ликвидации находились 26 негосударственных высших учебных заведений, в прошлом году — 27, два года назад — 22. (...) Очень часто в роли спасательного круга для терпящих бедствие вузов выступают иностранцы. В 2004-2011 гг. число иностранных студентов выросло почти в три раза, достигнув 24 тысяч. (...) Больше всего студентов приезжает из Украины (свыше 6 тыс.) и Белоруссии (почти 3 тыс.). В 2011 г. в Польше также обучалось 565 китайцев». (Анна Гоц, «Тыгодник повсехный», 6 окт.)

• «Растет число проблем в сфере высшего образования: снижаются как уровень обучения, так и стандарты функционирования вузов — ответственность, открытость, качество работы, вовлеченность в социальные взаимоотношения. И самое печальное — продолжает утрачиваться контакт между преподавателем и студентом. (...) Мы внезапно оказались в положении, когда высшее образование получают не 10, а 30% населения. (...) Мы превратили высшую школу в фабрику дипломов — высокопроизводительную, но довольно бестолковую, так как она ставит своей целью выдачу диплома, а не развитие личности и ее способностей», — Ежи Хауснер. («Тыгодник повсехный», 6 окт.)

• «Когда-то ученая степень вызывала доверие, особенно в сочетании с научными публикациями в той же области. Чтобы издать научную книгу, необходимо было сначала заручиться авторитетным мнением независимых и добросовестных рецензентов. Сегодня достаточно иметь деньги на издание книги. Положительную рецензию тоже можно купить. С помощью этих манипуляций создается псевдоавторитет, подкрепляемый так называемыми “научными достижениями”», — проф. Збигнев Шараварский, председатель Комитета по вопросам биоэтики при президиуме Польской Академии наук. («Газета wyborcza», 23 сент.)

• «Чета Будайчиков решила не отправлять своих детей в школу, посчитав, что будет гораздо лучше, если они сами займутся образованием своих детей. Победив в борьбе с органами народного образования, Будайчики подали пример и развязали руки остальным — сегодня домашнее образование в Польше легально и действенно. В Варшаве и других городах объединения жителей совместно приобретают продукты непосредственно у производителей, чтобы избежать наценок, которые навязывают супермаркеты. Это и есть политика малых дел», — проф. Казимеж Фреске. («Пшеглэнд», 16-22 сент.)

• «В третьем квартале этого года польская экономика увеличила объем производства на 1,6%, следует из прогнозов газеты «Жечпосполита». Это намного лучше, чем во втором квартале, когда годовой рост ВВП составил лишь 0,8% (в первом квартале — 0,5%). (...) Объем розничной торговли за весь третий квартал вырос на 4%. (...) Улучшения заметны и в других отраслях экономики. (...) Уровень занятости снижается всё медленнее — 0,3% в сентябре против 1% в середине года. Статистические данные за третий квартал свидетельствуют, что экономика находится на пути поэтапного оживления». (Анна Сесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 1 окт.)

• «К сожалению, польская экономика (вопреки тому, что говорил премьер) переживает застой, о чем свидетельствует недавно зафиксированный рост ВВП (0,5 и 0,8%). Даже в очень развитых странах такой рост ВВП не считается достаточным. Для того чтобы положение на рынке труда улучшилось, польская экономика должна развиваться с интенсивностью не менее 4% ежегодно». (Петр Кучинский, «Газета wyborcza», 5-6 окт.)

• «В представленном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) свежем отчете о глобальной конкурентоспособности Польша в категории «эффективность рынка труда» опустилась с 57-го на 80-е место. (...) В большинстве категорий отчета у нас отмечается либо спад, либо крайне невысокие позиции: чрезмерно

регулируемая практика приема на работу и увольнения обеспечивает нам 112-е место в мире (переместились вниз со 103-го), расходы при увольнении — 91-е место (переместились вниз с 38-го), взаимодействие издержек и производительности — 45-е место (переместились вниз с 39-го), способность страны сохранять и искать таланты — 119-е и 121-е места (переместились вниз со 108-го). Кроме того, отчет свидетельствует, что многие ключевые должности в Польше занимают непрофессионалы, так что в этой сфере у нас отмечено снижение с 74-го места на 79-е. (...) Установлено, что налоговая система в Польше негативно влияет на состояние трудоустройство, так что в этой категории мы занимаем 105-е место. (...) Рейтинг ВЭФ составляется на основе мнений 14 тыс. учредителей различных фирм со всего мира, среди которых 200 польских предпринимателей. (...) По данным Щецинского университета, в Польше свыше полумиллиона чиновников, в то время как в 1990 г. их численность едва достигала 160 тысяч», — проф. Кшиштоф Рыбинский («Жечпосполита», 14-15 сент.)

- «В конце июня было зарегистрировано свыше 4 млн. предприятий, на 250 тысяч больше, чем в 2008 г., когда начался кризис. В среднем начиная с 1989 г. у нас ежегодно появлялось 174 тыс. новых предприятий, то есть каждый час около 20 поляков принимало решение попытаться счастья в бизнесе. В большинстве своем — 99,8% — это малый и средний бизнес, то есть предприятия, на которых трудится менее 250 человек. (...) 18% работающих поляков зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, это значит, что сегодня их уже 2,7 млн., что составляет 14% в среднем по Евросоюзу. (...) 23% поляков, которые еще не ведут собственного бизнеса, заявляют, что хотели бы его открыть в течение ближайших трех лет, в то время как планы подобного рода вынашивают лишь 13% немцев, французов или англичан. Каждый второй злотый в польском ВВП (48%) — это вклад польских малых и средних предприятий». («Дзенник — Газета правна», 1 окт.)

- «После шести лет роста реальных (то есть за вычетом инфляции) доходов, 2012 г. оказался уже вторым по счету, когда эти доходы снижались. Так называемый располагаемый доход, то есть те деньги, которые остаются у нас на руках после уплаты налогов государству, составил в прошлом году 1278 злотых на человека [в месяц], и был на 0,1% ниже, чем годом ранее. Эта ситуация наверняка повторится и в этом году. Это следствие медленного роста экономики, высокого уровня безработицы и усиления налогового давления на бизнес со стороны государства». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 1 окт.)

- «Мы уже много лет наблюдаем интересную тенденцию: участие фонда заработной платы в формировании ВВП снижается, а в Польше и вовсе находится почти на самом низком уровне по сравнению с другими европейскими странами. Это означает, что пользу от роста экономики извлекают в основном крупные корпорации, а не сами работники». (Кшиштоф Рыбинский, «Дзенник — Газета правна», 30 окт.)

- «В конце первого полугодия государственный долг составил свыше 888 млрд. злотых, сообщило министерство финансов. Тем самым задолженность превысила 55% ВВП, т.е. так называемый второй порог осторожности, предусмотренный законом о государственных финансах. (...) Если финансовый год будет закрыт с долгом такого объема, уровень бюджетного дефицита в будущем году должен будет обеспечить снижение долга по отношению к ВВП, а правительству придется разрабатывать программу санационных вмешательств. Валоризация пенсий в таком случае тоже будет ограничена». («Жечпосполита», 11 сент.)

- «В действительности долг в Польше в три раза больше официального. Вчера в центре Варшавы Фонд гражданского развития (ФГР) запустил счетчик этого долга. Этот скрытый долг — сумма обязательств Управления социального страхования (УСС) перед нынешними и будущими пенсионерами. Сюда, согласно методике расчетов ФГР, не относятся обязательства, возникающие из признаваемых УСС рент, а также ренты и пенсии из Кассы социального сельскохозяйственного страхования, равно как и пенсионные обязательства перед силовиками. Всего, как посчитал ФГР, сумма этого долга составляет 3070 млрд. злотых, то есть 190,6% ВВП. В перерасчете на одного жителя Польши это составляет ни много ни мало 82,6 тыс. злотых. Для сравнения: сумма официального долга — 936 млрд. злотых (57,3% ВВП), т.е. около 25,2 тыс. злотых на человека». («Жечпосполита», 1 окт.)

- «49% пенсионеров негативно оценивают предложения правительства о реформировании Открытых пенсионных фондов (ОПФ). Вмешательство государства в деятельность ОПФ поддерживают 17,3%, а 33,3% не имеют на этот счет сформированной позиции. Опрос «Номо Номини» от 6 сентября» («Жечпосполита», 9 сент.)

- «“В контексте интересов страны я не могу найти никаких объяснений этой реформе”, — Лешек Бальцерович. “Явный государственный долг будет заменен скрытыми обязательствами государственного казначейства, что позволит государству делать новые долги и повысит риск превышения разумных пределов задолженности с обязательным последующим уменьшением пенсий”, — недвусмысленно оценивают ситуацию эксперты Польской конфедерации частных предпринимателей “Левиафан”». («Газета польска цодзенне», 2 окт.)

• «Подрезая второй уровень пенсионной системы (то есть ОПФ), правительство связывает будущих пенсионеров по рукам и ногам. Теперь их материальная поддержка будет зависеть исключительно от государственного монополиста. Большевицкие методы Туска и Ростовского по сути ставят крест на конкуренции между государственным и частным секторами. (...) За годы работы на Уолл-стрит мне приходилось иметь дело как с государственными инвесторами, так и с частными, и последние, как правило, гораздо эффективнее. (...) Правительство решило исключить настоящую конкуренцию. (...) Страховые фирмы, которые более десяти лет создавали целую бизнес-структуру вокруг польской пенсионной системы, оказались уничтожены. (...) Вам удалось создать что-то лучшее?! (...) Национализация пенсионной системы в ближайшие годы приведет к оттоку из Польши иностранного капитала, а также к снижению темпов экономического роста и неуклонному падению злотого. И, как следствие, к инфляции. Это неизбежно», — Мэтью Тирманд, экономист и инвестор. («Дзенник — Газета правна», 27-29 сент.)

• «Я был сторонником ОПФ. (...) Но если бы сохранили порядок, существовавший в 1999-2010 гг., то через два-три десятка лет пришлось бы снизить государственные расходы на 1,7% ВВП. И в середине этого столетия в ОПФ было бы 90% ВВП. (...) Сторонники ОПФ винят правительство: оно, дескать, не повысило на время пенсионный возраст, не включило в пенсионную систему силовиков, не провело финансовую реформу. (...) Однако неизвестно, оказалось бы этого достаточно», — Марек Белька, директор Национального банка Польши. («Газета wyborcza», 28-29 сент.)

• «Возможно, мы руководим страной нечестно, зато правильно», — комментарий карикатуриста Анджея Краузе. («Жечпосполита», 30 сент.)

• «Иногда человек идет по жизни, нацепив маску, и мы не знаем, что в нем сидит на самом деле. И вдруг обстоятельства вынуждают его показать свое истинное лицо. Это как раз пример Яцека Ростовского. И не только его», — Лешек Бальцеревич («Газета wyborcza», 18 сент.)

• «69% поляков полагают, что ни одна из существующих политических партий не оправдывает их ожиданий и не заслуживает, чтобы за нее голосовали. При этом свыше половины опрошенных не хотели бы смены политического расклада. (...) ЦИОМ, 4-11 июля». («Газета wyborcza», 12 сент.)

• Из интервью со знаменитым политиком, депутатом Сейма, пресс-секретарем партии «Право и справедливость» (ПиС), помещенного на страницах центральной газеты: «Роберт Мазурек: Скажите, размер — имеет значение? Депутат Адам Гофман: Поинтересуйтесь у подруг вашей жены. (...) Р.М.: Но ведь это вы сказали вашей подчиненной, что показали бы ей ваш половой член, если бы не мешали папарацци. И эксперт фонда «Феминотека» квалифицировала это как сексуальное домогательство. Депутат А.Г.: Это характерный пример манипуляции, когда за комментарием обращаются к структуре, у которой с нами идеологический конфликт. (...) В Эльблонге из меня пытались сделать пьяницу. (...) Р.М.: Что значит «сделать пьяницу»? Вы мочились на улице или нет? Депутат А.Г.: Отрицать это глупо, все видели снимки. (...) Теперь-то я понимаю, что в любых обстоятельствах нужно вести себя так, словно ты всё время на публике. (...) Меня атакуют уже не столько с подтекстом, сколько с конкретной политической целью». («Жечпосполита», 14-15 сент.)

• «Партия ПиС приняла специальную резолюцию, обязав политиков вести себя достойно «на рабочем месте, во время парламентских заседаний и командировок». («Впрост», 16-22 сент.)

• «Ты получаешь должность в госорганах, так как работаешь на благо партии и голосуешь за нее. (...) Партия награждает своих людей административными должностями, а они потом, в качестве функционеров-администраторов, подключаются к предвыборной кампании. (...) На политической сцене господствуют аппаратчики и оппортунисты. (...) Политики, независимо от партийной принадлежности, становятся профессиональными защитниками собственных кресел, боясь каких-либо перемен. (...) Они крайне редко расценивают свою профессию как государственную службу. (...) Изменился строй, но не изменилась ментальность тех, кто приходит во власть», — проф. Майкл Шпорер («Пшеглэнд», 23-29 сент.)

• «Скандалы с участием политиков из крестьянской партии ПСЛ отличает одно: никто не расстается с занимаемой должностью». («Дзенник — Газета правна», 13-15 сент.)

• «Политики утратили понимание того, как управлять страной. Большинство из них не знает, чего они хотят, а некоторые даже не понимают, о чем они говорят. Они действуют исключительно в собственных интересах, а связь с общественностью сводится к неопасным общим фразам. (...) Общество не способно к рефлексии, не хочет понимать и анализировать то, что говорят политики. У него нет на это ни желания, ни сил, ни времени. А также образования, помогающего остро чувствовать фальшь», — проф. Войцех Цвалина, Высшая школа социальной психологии. («Дзенник — Газета правна», 13-15 сент.)

- «58% поляков негативно оценивают эффективность демократических процедур в стране. Количество скептиков за последние два года увеличилось на 11%. Тем не менее, 62% опрошенных по-прежнему считают, что «демократия лучше всех остальных форм правления». Противоположной точки зрения придерживается 21% опрошенных. Это самый высокий процент после 2001 года. На 5% (до 17%) возросло число людей, которые не определились с ответом. Опрос ЦИОМа от 4-11 июля». («Газета wyborcza», 17 сент.)
- «72% поляков, опрошенных в сентябре агентством TNS Polska, неудовлетворительно оценивают работу правительства, поддерживают же правительство 20%. Премьера Дональда Туска критикует 68% опрошенных, хвалит — 24%. О президенте Брониславе Коморовском хорошо отзывается 51% опрошенных, негативно — 36%». («Жечпосполита», 20 сент.)
- «Худшими кандидатами на пост президента Польши, согласно опросу «Homo Homini» от 25-26 сентября, оказались Януш Паликот — 33,4%, Ярослав Качинский — 33,4%, а также Дональд Туск — 17,6%. Меньше всего критических отзывов получил председатель крестьянской партии ПСЛ Януш Пехотинский (0,9%) и нынешний президент страны Бронислав Коморовский (1,4%). («Супер экспресс», 30 сент.)
- «Премия «Global Citizen», присуждаемую американским Атлантическим советом, вручил вчера президенту Брониславу Коморовскому Збигнев Бжезинский». («Газета wyborcza», 28-29 сент.)
- «Поддержка партий: ПиС — 28%, «Гражданская платформа» (ГП) — 22%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Движение Паликота» — 4%, «Конгресс новых правых» Януша Корвин-Микке — 4%. Избирательный порог составляет 5%. Не определился с выбором 21%. Заявленная готовность пойти на выборы — 57%. Опрос ЦИОМа». («Газета wyborcza», 11 окт.)
- «Разделение на крупные политические лагеря было характерно для Польши еще в XVIII веке. (...) Уже тогда было две Польши: традиционная, консервативная Польша патриотов и Польша официальная, которая, несмотря на реформаторские тенденции, была разьедаема коррупцией и обречена на сотрудничество с чужаками. В первой с честными людьми соседствовали глупцы, а во второй — стяжатели. (...) Сегодняшняя ситуация в Польше слегка напоминает конец XVIII века. (...) Окажутся ли последствия столь же печальными?», — Михал Войцеховский. («Жечпосполита», 12 сент.)
- «Из триады «Свобода, Равенство, Братство!» у нас всё хорошо сложилось только со свободой. Но без равенства и братства свобода явно находится под угрозой и может быть сведена до свободы денежных потоков. (...) Это будет работать. Мне так кажется. (...) Назвать даты? Этого я не знаю. (...) Сейчас выиграет Качинский и неожиданно найдет соратников по коалиции. Он не обратит карательный аппарат полицейского государства против разных там леваков, это уже немодно, но, к примеру, попытается разделаться с председателями фракций. (...) Придется защищать маленьких ублюдков от больших (...) от Центрального антикоррупционного бюро. Именно так и произойдет», — проф. Кароль Модзелевский. («Газета wyborcza», 14-15 сент.)
- «В профсоюзной акции протеста участвовало 200 тыс. человек. «Долой Туска, долой Миллера, Ярека в премьеры!». Это должна была быть самая крупная акция протеста после 1989 г. — такой она и оказалась». («Газета польска цодзенне», 16 сент.)
- «Председатель «Солидарности» Петр Дуда, карикатура на Леха Валенсу 1980-х, прямо заявляет, что хочет свергнуть правительство. Борьба за свержение правительства — в этом, по его мнению, и заключается основная задача профсоюзов». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 16-22 сент.)
- «Профсоюзы доказали, что они в состоянии мобилизовать сотни тысяч людей на манифестацию в защиту прав рабочих. В субботу по Варшаве прошло около ста тысяч участников акции (включая представителей трех центральных профсоюзных организаций — «Солидарности», Всепольского объединения профсоюзов и «Профсоюзного форума». Участников акции поддержал архиепископ Славой Глудзь, процитировавший слова кардинала Стефана Вышинского о том, что в конфликте между властью и народом всегда прав народ». («Жечпосполита», 16 сент.)
- «Лозунги были разные, от ультраправых «Нам нужна Четвертая Речь Посполитая!», «Долой смоленских!», «Это был теракт!», «Вон из Польши, предатели!» до «Вместе защитим права рабочих». (...) «Вчера перед вами захлопнули двери министерских кабинетов, а сегодня Пресвятая Дева открывает вам объятия», — заявил собравшимся в воскресенье гданьский митрополит архиепископ Славой Лешек Глудзь. На Ясной горе молилось 20 тыс. человек. Присутствовали также Петр Дуда, председатель «Солидарности», и Ярослав Качинский, председатель партии ПиС». (Агата Кодзинская, «Газета wyborcza», 16 сент.)

- «Паломничество трудящихся на Ясную гору состоялось в этом году после манифестаций против политики правительства, против невнимания власти к общественным проблемам. (...) В своей проповеди архиепископ Славой Лешек Глудзь раскритиковал законопроекты «об уничтожении профсоюзов». «Эти меры по духу своему сродни введению военного положения», — заявил митрополит». (Агнешка Гроч, «Наш дзенник», 16 сент.)
- «После 1989 г. в Польше действовало либо действует около 2 тыс. СМИ, ссылающихся на свою связь с религией. Католическая Церковь располагает 19 радиостанциями — как собственно епархиальными, так и находящимися под непосредственным покровительством соответствующего епископа. В интернете функционируют не меньше шести порталов, которые объявляют себя польско-католическими». («Пшеглэнд», 7-13 окт.)
- «В Бельске-Подляском в приходе Милосердия Божия вчера был открыт и освящен катынско-смоленский памятник. (...) В торжественных мероприятиях приняли участие Эва Блащик и Кристина Квятковская, вдовы генералов, погибших в смоленской катастрофе. Они и открыли памятник. (...) Памятник призван напоминать обо всех погибших в Катыни, Медном, Харькове, Осташкове, Козельске, Быковне, Старобельске и Смоленске. Названия этих населенных пунктов выгравированы на памятнике, на цоколе же расположены имена 96 человек, погибших под Смоленском, во главе с президентом Лехом Качинским». (Катажина Гегельская, «Наш дзенник», 16 сент.)
- «Польская прокуратура, приняв во внимание письмо следственных органов Доминиканской республики, приступила к расследованию по делу бывшего нунция на Доминикане, архиепископа Юзефа Весоловского и также служившего на острове свящ. Войцеха Гиля из ордена михаилитов, подозреваемых в растлении малолетних. Почти одновременно телеканал TVN24 сообщил, что свящ. Гжегож К., осужденный за развратные действия в отношении малолетних (приговор условный), уже на этой неделе исполнял обязанности настоятеля, в том числе надзор за юными министрантами». («Тыгодник повсехный», 6 окт.)
- «Многих случаев сексуальных домогательств удалось бы избежать, если бы отношения между родителями этих детей складывались нормально. (...) Очень часто подобные злоупотребления провоцирует сам ребенок, который ищет любви и, губя свою душу, втягивает в это еще и другого человека», — сказал архиепископ Юзеф Михалик, глава епископата Польши. В тот же день архиепископ отказался от своих слов, пояснив, что он неправильно выразил свою мысль, и извинился за допущенную ошибку. («Жечпосполита», 9 окт.)
- «Католическая Церковь начала подготовку экспертов, которые будут бороться с сексуальными домогательствами. В Кракове начали свою работу курсы для священников, а также «черных» и «белых» монахинь». («Жечпосполита», 24 сент.)
- «Согласно результатам опроса «Ното Номіні», 64% опрошенных считают, что католическая Церковь плохо борется с педофилией среди священников. 34% считают, что Церковь делает это из рук вон плохо. И только 24% респондентов полагают, что Церковь справляется с этой проблемой. Лишь 4% считают, что Церковь добилась на этом пути «очень хороших результатов». («Жечпосполита», 8 окт.)
- «Яцек Стасяк из Александрува-Лудзкого стал очередным польским священником, который открыто отказался повиноваться своему епископу. В качестве наказания ему запрещено выполнять обязанности настоятеля, служить мессы. (...) Прихожане не обращают на это внимания, и каждое воскресенье множество верующих приходит в храм свящ. Стасяка». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 14-15 сент.)
- «Непокорные священники у нас были всегда. (...) Их судьбы складываются по-разному. (...) Есть счастливицы, к примеру доминиканцы, это очень либеральный орден. Томаш Достатный спокойно публикуется в этой ужасной «Газете выборчей». (...) Доминиканец, замечательный о. Людвик Вишневский постоянно «гладит против шерсти». (...) Александр Хауке-Лиговский довольно оригинально прокомментировал проблему искусственного оплодотворения: «Убийство зародышей? Да ведь и при обычном зачатии их гибнет немало, а здесь, после заморозки и последующей имплантации, всем можно дать шанс». (...) Космолог с мировым именем о. Михал Хеллер (...) на этот же вопрос ответил, что он ничего в области искусственного зачатия не понимает», — Ян Турнань. («Газета выборча», 14-15 сент.)
- «Понтификат Франциска ознаменовал раскол в польской католической Церкви. (...) О глубине этих противоречий свидетельствует интерпретация идеи понтифика о «бедной Церкви для бедных». «Бедность — не синоним нищеты», — комментирует архиепископ Юзеф Михалик. (...) В итоге изменились только декорации. Золотые кресты епископы заменили на серебряные, новые туфли — на слегка поношенные. (...) Католическая Церковь в Польше быстро разделилась на собственно польскую и Церковь Франциска. Последняя перестала воспринимать первую — погрязшую в иерархичности и косности — как духовный авторитет и интересного

собеседника. (...) Старый Папа отлично видит, что важно, а что нет. Автомобили, должности в курии, жесткие запреты и ограничения — всё это глупости по сравнению с проблемами голодных, разувверившихся или умирающих». (Ярослав Миколаевский, «Газета wyborcza», 5-6 окт.)

- «Контакты поляков с католической Церковью всё чаще сводятся к крестинам, венчанию и похоронам. В действительности католичество — это религия меньшинства. На практике только 40% поляков хотя бы раз в неделю бывают на мессе. В Варшаве же это делают лишь 20% жителей», — проф. Збигнев Миколейко. («Пшеглэнд», 23-29 сент.)

- «70,4% пар в Польше выбирают совместное проживание до свадьбы, следует из опроса, проведенного социологами Лодзинского университета. (...) Большинство этих пар решает зарегистрировать свои отношения только после рождения ребенка». («Жечпосполита», 3 окт.)

- Сотни тысяч поляков переехали на окраины. «“Всем хотелось жить ближе других к самому краю леса. Хозяин участка обещал каждому покупателю, что больше землю продавать не будет и лес останется на своем месте. Но пожить у самого леса ни у кого уже не получится, так как самого леса нет и в помине”, — Катажина Кайданек». («Газета wyborcza», 14-15 сент.)

- «Самое большое в Европе (около 2 тыс. экземпляров) скопление монументальных дубов находится в великопольском Рогалине. (...) Им уже сотни лет (самому старому — около 700), большинство имеют девять метров в обхвате. (...) Во время работы над материалом о рогалинских дубах было сделано свыше 20 тыс. слайдов. Отбор 130 фотографий, которые составили альбом «Реквием», занял полгода». (Мацей Фишер, «National Geographic Polska», сент.)

- «Ситуация довольно трагическая, причем без каких-либо тенденций к улучшению. (...) Целей, связанных со сдерживанием [процесса] утраты биологического многообразия, достичь не удастся. (...) Потому что для нас важнее экономика неустанного роста и безудержного потребления. Мы расходует слишком много природных ресурсов», — проф. Гжегож Микусинский. («Тыгодник повсехный», 22 сент.)

- «Как раз прилетела бабочка Erateina, очень деликатно устроенная бабочка, которая летит легко, быстро и красиво, выполняя множество разворотов. (...) Летит она быстро, поэтому поймать ее довольно трудно, но мне удалось сделать это за пару минут. (...) При влажности 99% добычу необходимо немедленно убить, чтобы не сопре, поэтому тут же раздавливаешь туловище, отрезаешь доступ воздуха...», — Изабелла Стахович, выпускница биофака Ягеллонского университета. («Политика», 25 сент. — 1 окт.)

- «Мы — часть природы, и мы зависим от нее. Эти отношения никогда не были и не будут отношениями на равных. Поэтому нам необходимо снова найти свое место в этой иерархии зависимостей. А затем понять, что может нас спасти: охрана природы — это охрана нас самих, и, хотя это противоречит нашей цивилизации, но не направлено против нас. Охраняя природу, мы не только охраняем ее от нас — мы охраняем от нас самих себя». (Рышард Кулик, «Дзике жыче», сент.)

- «В августе этого года в аэропорту Лейпцига сгорел украинский транспортный самолет АН 2. (...) Транспорт должен был лететь в Россию, на его борту находилось 49 тыс. живых цыплят. Заметка в газете кончается фразой: «Экипажу из семи человек удалось выбраться из горящего самолета. Никто не пострадал». Никто? В самом деле?». (Игнаций Карпович, «Политика», 9-15 окт.)

3: О ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРОСВЕЩЕНИЯ

(...) Для меня великая честь выступать здесь, хотя, конечно, и стресс: те, кто меня знает, имеют представление, что последовательное изложение своих мыслей всегда было мне чуждо, поэтому я ловко решил сделаться поэтом, а не ученым, но, как видно, недостаточно ловко, раз должен здесь перед вами выступать, — фатум настигает и поэтов, и когда-то наконец они должны выступать перед учеными. Меня немного утешает тот факт, что некоторые из сидящих в этом зале одеты в замечательные разноцветные наряды, некоторые даже в костюмы грызунов, так что есть надежда, что не всё будет воспринято слишком серьезно.

Я назвал свое выступление «Мои университеты: о пагубных последствиях просвещения» и постараюсь прежде всего объяснить, как мне пришло в голову это название. Это не отсылка к известному произведению Максима Горького «Мои университеты», в котором русский писатель рассказывает историю своего классового роста, становления революционного сознания среди угнетенных капитализмом представителей рабочих масс. Это название не оттуда, хотя неожиданно сегодня имя Горького могло бы стать снова актуальным. Это также не

отсылка к прекрасному стихотворению Мартина Светлицкого под названием «Университеты», герой которого, мальчик, тайно на крыше изучает науки, предварительно раздевшись там догола. (Нет, это не оттуда, хотя признаю, что именно эта идея изучения наук верна, то есть чтобы что-то усвоить, нужно прежде всего раздеться, но не где попало и не перед чем попало.)

Однако не оттуда это название. Я взял его из одной из самых известных в мире книг. В первой части этого произведения главный герой, доктор Фауст, говорит такие слова:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — и вот
Тому пошёл десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу всё ж, что не дано нам знания.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ..
Так пёс не стал бы жить! Погибли годы!
(Пер. Н.Холодковского)

Если верить книгам, а в особенности книге Ласло Фельдени под названием «Меланхолия», именно так говорит типичный меланхолик. Это состояние было диагностировано как болезнь уже в древности, а один из первых, кто страдал ею, Беллерофонт, познал чувство метафизического одиночества. Одареннее других, восприимчивее других, обладавший особой силой и талантом, Беллерофонт, как пишет Еврипид, считался человеком, возвышающимся над другими, будучи полубогом, постоянно преступая действующие нормы и законы и чувствуя

всё большее желание преступать новые, недоступные для остальных границы. Он поднялся на своем коне Пегасе в небо, но завистливые боги сбросили его на землю. Беллерофонт говорит: «И еще утверждают, что на небе живут боги? Нет там никаких, никаких богов».

С тех пор меланхолик, человек просвещенный, обладающий особым знанием о мире, будет в то же время несчастен, так как знание это будет горьким, а чувство отличия, отверженности, постоянного пребывания между этим и тем светом (меланхолик лучше других смертных, но не настолько хорош, чтобы быть богом) приведет к тому, что он будет страдать, не видя смысла в своей жизни, повторяя вновь и вновь за Беллерофонтом: «Блажен, кто не родился». Аристотель говорит так: «Почему все выдающиеся люди, отличившиеся в философии, в государственных делах, в поэзии или изобразительном искусстве, — меланхолики?»

Описание меланхолии как болезни развивается со временем, хотя уже Аристотель считал ее психической болезнью с соматическими истоками (она возникает от избытка так называемой черной желчи, консистенция которой напоминает, согласно ему, консистенцию красного вина). В свою очередь Константин Африканский в 1080 г. добавляет: «Каждый, кто читает чрезмерно много книг по философии, медицине и логике, либо таких, которые позволяют войти в Универсум, а также книг, толкующих о происхождении чисел, что арабы называли наукой о линиях, а греки геометрией, становится меланхоликом». (Знаменательно, что «черную желчь» называли также дьявольской купелью, а меланхолики в Средневековье считались необыкновенно податливыми к дьявольскому нашептыванию, что, безусловно, как-то объясняет появление Мефистофеля у Фауста.)

Оставим, однако, сейчас меланхолию и ее причины, подумаем лучше о том, что главное то, что Фауст — академик. Он принадлежит к университетскому сообществу, даже, вероятно, был когда-то студентом в Кракове. А его меланхолия типична для представителя этой среды. Блаженный Августин в своем трактате «Против академиков» приводит, например, такие аргументы их сумасшествия: «Академики полагают, что человек не может достигнуть познания (...) а тем не менее утверждали, что человек может быть мудрым, и всё дело мудрого они видели в изыскании истины (...). Отсюда следовало, что мудрый не доверяет ничему: ибо он необходимо заблуждался бы (что со стороны мудрого преступно), если бы доверял вещам сомнительным. А что всё сомнительно, они не только говорили, но и подтверждали многочисленными доказательствами (...). Истина может быть познаваема по тем признакам, каковых не может иметь то, что ложно. Они употребили все свои усилия, чтобы доказать, что распознать это решительно невозможно. Отсюда и выдвинуты были в защиту подобного учения разногласия философов, обманы чувств, сны и галлюцинации, всевозможные софизмы. А так как от того же Зенона они узнали, что нет ничего более недостойного, чем мнение, то и построили весьма лукаво такое положение: если-де познать ничего нельзя, а мнение весьма недостойно, то мудрый ничего никогда не станет утверждать».

Значит ли это, что науки, просвещение, новые книги приводят к сумасшествию? К состоянию скуки, опустошенности, к ацедии, то есть духовной лени, печали, отчаянию, суицидальным мыслям? Приводят ли науки прямиком к неизлечимой меланхолии? Значит ли это, что мы, все здесь присутствующие, имеем шанс впасть в меланхолию или, может, уже впали? Глядя на некоторых из присутствующих, я почти уверен в этом. Снова Фельдени, который цитирует Петрарку: «Никто меня не убедит в том, что думать начинаешь от избытка здоровья». Меланхолик — это, наверное, тот тип людей, который особенно часто появляется в темных вузовских коридорах, в аудиториях и кабинетах. Однако мне кажется, что встреча с меланхоликом — это еще не самая плохая встреча, какая может случиться в вузе. Бывает и хуже.

Во всех мнениях по поводу университета и идеи академии приходится слышать суждения о благотворном влиянии встречи и диалога, свободном обмене взглядами, а иконой академии становится между прочим фигура наставника, того, у кого можно учиться поведению и черпать знания, с кем можно дискутировать, кто поучает. Это позитивная идея, идея учителя-проводника и отношений наставник — ученик. Идея прекрасная, может, именно потому, что так редко осуществимая.

Хотелось бы вспомнить о другом феномене, на мой взгляд столь же важном в случае академии. О встрече с антипроводником, об антинаставнике, об антиучителе, которого мы можем встретить, будучи теми, кто пришел черпать знания из источника мудрости, из университета. Не приходилось ли вам встречать на своем пути какого-нибудь монстра, зануду, мегаломана, ворчливую каргу, фанфарона, пьяницу? Не правда ли, что шанс встречи с кем-нибудь таким в академическом корпусе в сто раз выше, чем шанс встречи с наставником? Скажу больше: насколько встреча с наставником — шанс, настолько встреча с сумасшедшим и занудой — закономерность. Не правда ли, что даже если мы встретимся уже с наставником, то он состоит на 99% из сумасшедшего, зануды, монстра, мегаломана и чудака и только на один процент из истинного наставника, то есть содержание наставника в наставнике не превышает порой одного процента, и в самом деле те счастливы, кому удалось открыть в ком-то этот один процент, не будут поняты теми, кто пострадал от остальных 99% ликов того же человека.

Как быть с тем, кто занудствует? С тем, кто принимает экзамен по несуществующему предмету? С тем, кто, читая по памяти классика перед полной аудиторией студентов, бессознательно бурчит себе под нос, уставившись в окно? С той, что не любит ярко накрашенных студенток и на каждом шагу дает им почувствовать свою нелюбовь? С тем, кто приходит на занятие неподготовленным и свою неподготовленность пытается замаять очередным коллоквиумом? С той, кого считают грозой студентов, но не по причине ее безграничных знаний, а по причине ее безграничной грубости и злобы? С тем, кто рассказывает шовинистские анекдоты? Или еще хуже, с тем, кто рассказывает откровенно неприличные анекдоты и сам потом над ними смеется? С той, что не умеет преподавать и простейшую тему превращает в кошмарную череду сложных отступлений, совершенно не относящихся к делу? С тем, кто принимает экзамен в пижаме, в постели, у себя на дому, вечером, хотя вовсе не тяжело болен и еще днем бегал по университету? С той, что унижает только потому, что может унижать? С тем, кто пользуется своей властью, чтобы приставать к студенткам? С той, что спрашивает на экзамене, как звали кошку у одной из второстепенных героинь второстепенного рассказчика второстепенного писателя, чтобы потом вовсе не на полях, а на первой странице зачетки написать большими буквами «неудовлетворительно»? Как быть с тем, кто настолько самовлюблен, что не слушает никого, пользуясь каждой минутой, чтобы что-нибудь рассказать о себе? Как быть с той, которая очень любит подарки от студентов и даже сама подсказывает, что ей подойдет в кухню, а что в зал? С тем, кого почти никогда нет на занятиях? Я бы мог перечислять так долго. Что делать с тысячью людей, которых мы встречаем в наших вузах и которые не становятся наставниками — совсем наоборот, они скучны, претенциозны, ужасны, временами отвратительны?

Сейчас не время и не место, чтобы анализировать влияние негативных примеров и опыта на нашу жизнь, тем более что с такими антипримерами мы имеем дело с самого начала: в детском саду (и, наверное, чаще всего там — у каждого была какая-нибудь история с воспитательницей), в школе, в армии, на работе и на улице, всюду, в любое время, в том числе и во время нашей учебы. Это иногда люди, умеющие действительно обидеть, полностью осознающие свои поступки, действующие с преднамеренностью и выказывающие в этом настоящее, я бы даже сказал, на удивление садистское пристрастие. Эти люди очень часто знают, что делают, по меньшей мере думают, что знают. Но и благодаря им мы учимся. Эти антипримеры определенно вызывают нашу реакцию, влияют на наше развитие, решения, мировоззрение, накладываются на наш опыт. Мы таковы как есть — благодаря им; кто знает, может, даже больше, чем благодаря нашим наставникам.

Но вернемся к меланхоликам, вернемся к Фаусту: меланхолики вовсе не самые плохие среди вузовских грешников, их, правда, постигло состояние опустошения, их охватил голод, они совершают грех ацедии, они унылы. Но это не самый страшный из грехов. Они унылы, стоят на краю, но все-таки еще не упали в пропасть, в пучину. Меланхолики не могут, вероятно, обидеть так сильно, потому что они сомневаются. Сомневаются в себе, будучи наставниками других, в себе, будучи примером для других. Они не питают заблуждений, но не уверены в собственной правоте — совсем наоборот, они знают, что ошибаются, хотя продолжают водить за нос своих студентов. Они пример антинаставника, антиучителя в том смысле, что отдают себе отчет в собственной неспособности к познанию всего, ведь их меланхолия происходит именно от этой вечной ненасытности: чем больше они читают, знают, тем больше отдают себе отчет, сколько еще ими не прочитано и как далеко им до того, чтобы они приобрели все знания, чтобы в самом деле знали, о чем говорят. «Пусть не страдаю от пустых сомнений, — говорит Фауст, — зато я радостей не знаю». Тот, кто так сомневается, — не просто монстр. Сомневающейся монстр — уже не монстр, монстр не может сомневаться. Или это другая, сомневающаяся категория монстра. Такой монстр, который задумывается о том, как он может быть «наставником и учителем», когда сам не знает, что лучше. Так чему же, чему мы можем научиться у меланхоликов? Какой из них толк, из людей, повторяющих: «Я знаю, что ничего не знаю»? Но не гораздо ли хуже их те, кто знает все *наверняка*? Таким место, может быть, в армии (меланхолик в армии — это еще одна трагическая ошибка), в тюрьме, в школе (не говоря уже о детском саде), среди разного рода религиозных фанатиков, активистов, всех этих усердных, горячих и горящих Максимов Горьких.

Иосиф Бродский сказал, что в любой тоталитарной системе труднее сломать того, кто читает стихи, чем того, кто их не читает. Какая польза от тех, кто считает, что полученные знания — это их проклятие, что лучше бы было вообще не родиться или остаться несведущим, так как знание — это горький источник? Они тоже в горячке, тоже в вечном разладе с собой, вечном противоречии, драме. Горячка эта всё же съедает их самих — это не огонь, который сожжет мир и на костре сожжет все вредные книги вместе с неблагонадежными их приверженцами. Это огонь, направленный в центр, какой-то внутренний костер, на котором горят потихоньку они сами, костер сложенный из книг, которые они сами прочитали. Фауст говорит: «Что за блаженство вновь в груди моей заглохло...». Может, именно этому может научиться студент у меланхолика: смирению, сочувствию, самоограничению, приятию невзгод, умению терпеть поражение, способности признавать ошибки, умению сказать самому себе, что не знаешь самого главного — не можешь допустить такой возможности просвещения, что если оно кончится экстазом (то есть, согласно этимологии этого слова, выходом из себя, нахождением вне

себя, вне своего нормального состояния, полетом куда-то высоко), то можно уже никогда не вернуться из него в нормальное состояние и остаться где-то там, в вечном изгнании из себя, в вечной бездомности.

Последствия просвещения кажутся пагубными для меланхолика: цитируемый выше Петрарка, отвечая в письме к другу, откуда берется его депрессия, охваченный ужасом, пишет: «С привычным равнодушием вы говорите, что смерти не избежать никому, и повторяете это в сотнях ежедневных разговоров». Меланхолик знает, что умрет, и знает, что ничего с этим не поделать. Единственным его утешением, единственным лекарством от меланхолии было бы известие, что это не неизбежно, было бы мгновение, когда он мог бы перестать этим терзаться, вечное мгновение, момент экстаза.

И здесь я возвращаюсь к Фаусту: его мечта — это вечная молодость, то состояние, когда он мог бы прокричать: «Остановись, мгновенье!», момент возвращения радости бытия, не отравленного течением времени, и чувство смысла своего существования, ощущения, что живешь действительно для других. И именно здесь наконец стоит сказать, какой подвох, какой сюрприз приготовил для нас Гёте. Вечность — это состояние, когда останавливается время, время не существует, не имеет на нас влияния, мы не подчиняемся его воле, неподвластны силам законов этого мира. Не испытываем ли мы что-то подобное, когда, к примеру, читаем книгу? Не поднимаемся ли мы иногда куда-то над действительностью, в иной, нереальный мир, в мир миража, иллюзии, фикции — не похищены ли мы тогда, не зачарованы ли, не существующие на мгновение для окружающих, погруженные в самих себя, или по-другому — вынутые из себя, в экстазе, где-то вне себя? Посмотрите на читающих, как они выглядят. Это вечный момент. Чтение — это (простите весь пафос этого утверждения) переживание вечности, упражнение в ней. Или иначе: это диверсия против смерти. Шутка, минутное зависание законов и зависание оружия. Поэтому кажется, что меланхолик перестает быть меланхоликом, когда читает. В это время он экстатик. Меланхолия начинается тогда, когда он закрывает книгу.

Иоганн Вольфганг Гёте написал поэму о человеке, который мечтал о бессмертии, и первая часть этой поэмы-драмы была опубликована в 1808 году. С той поры Фауст не умер, он бессмертен. И мы, читающие о нем, бессмертны в момент чтения: наша кровь замедляется либо ускоряется, мозг работает по-другому, воображение действует по-другому: на миг мы оказываемся в Лейпциге, в Комбре или в горах Гарца, во времена отдаленных, мы становимся кем-то другим, нет нас здесь и сейчас, а может, мы и *здесь*, и *там*, и *сейчас*, и *всегда*, где-то *вне* всего, в экстазе. Остановись, мгновенье!

И, наверное, не так уж плохо меланхоликам, так как для них это мгновенье всё же длится, может, иногда они сами об этом не знают. Как быть, например, с тем известным краковским профессором, о котором рассказал ксендз Юзеф Тишнер. Он настолько был погружен в свои размышления, что, выходя на прогулку и оставляя записку для возможных гостей: «Скоро вернусь», — по возвращении, всё такой же задумчивый, видя на дверях своей квартиры эту записку, садился на ступеньки и ждал, читая какую-то книгу, до тех пор, пока соседи, к счастью, нормальные люди, такие, которые читают в рамках среднестатистического (то есть не слишком много, но ровно *столько, сколько нужно*), не объясняли ему, что он ждет самого себя? Как долго он ждал? Час, два? Пять минут? Десять? До сумерек? Он не знал, это было не важно, он был где-то в другом месте. Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

4: ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Время от времени Польша и поляки предпринимают попытки познать самих себя, в чем особенно помогают социологи. Ежегодные опросы, направленные на постановку диагноза обществу уже не первый раз проводятся группой под руководством проф. Януша Чапинского. В нынешнем году получилось так, что результаты были представлены в популярной форме, то есть в переводе «на человеческий язык», в статье Михала Выберальского «Сладко-горькая Польша» на страницах «Газеты wyborczej» (2013, №232). Почитаем:

«В Польше не видно крупных проявлений кризиса — таков главный тезис, выдвинутый авторами крупномасштабного опроса польского общества. Тезис этот поддерживается нашими субъективными ощущениями: 81% поляков считают себя очень или в достаточной мере счастливыми, а 79 — хорошо оценивают свою жизнь. Ощущение депрессии — на самом низком уровне за всю историю этого опроса, то есть с 2000 г., ощущение счастья и желания жить — на самом высоком, 80%. Минувший год оценивается как удачный, хотя в незначительной степени снизилась удовлетворенность такими аспектами бытия, как работа и половая жизнь. Мы чувствуем себя всё здоровее, реже всего за всю историю опроса жалуемся на недомогания, связанные с постоянной болью. Хотя реальные доходы снизились в течение последних двух лет на 5%, но, по мнению опрошенных, они позволяют удовлетворить текущие потребности в 76% хозяйств. Снижается доля обремененных долгами, растет число имеющих сбережения».

Прервем на минутку этот отчет. Может показаться, что всё хорошо. Но куда там! Откуда? Ведь опрос можно прочесть и так: целых 24%, то есть четверть общества, оказались в ситуации, когда не могут удовлетворить текущие потребности. И это драма, кошмар: четверть народа живет ниже уровня, который отвечает элементарным требованиям. Данная власть — попробую реконструировать возможные пропагандистские тезисы оппозиции — своей некомпетентностью довела до того, что 19%, то есть пятая часть нашего общества, не чувствует себя счастливой и оценивает свою жизнь как плохую. Это ли не свидетельство коллапса и отсутствия заботы об общем благе! И в самом деле, при таком прочтении картина уже не радует. Тем более что имеет смысл познакомиться с отчетом дальше: «Всё не столь лучезарно. Ниже грани крайней бедности живут в 5% семей, ниже границ нехватки — в 45%. В 35% семей ощущают, что им трудновато сводить концы с концами, в 19% трудности заметнее, а в 17% серьезная проблема — дожить до первого числа». Но все-таки «ситуация из года в год улучшается: первый «Диагноз» выявил большие трудности в 31% семей».

Еще интереснее дальнейшие результаты: «Авторы «Диагноза» пишут напрямую: мы не отвечаем никаким критериям гражданского общества, всё хуже люди оценивают и демократию. До 45% опрошенных не может однозначно оценить реформы, осуществленные в Польше после 1989 года. А те, кто решается дать оценку, по преимуществу полагают, что реформы не удались (так считают 45% опрошенных, противоположное мнение всего лишь у 12%). Это пессимистическое отношение к переменам в Польше отмечается во всех социальных категориях, независимо от образования, доходов, возраста или места проживания». И здесь приходится добавить грустный комментарий: при таком состоянии сознания, особенно при снижающейся оценке демократии, может очень скоро усилиться склонность поддержать антидемократический, даже авторитарный выбор. В повседневной жизни отсутствия демократии и даже некоего ограничения свободы не ощущается, но более широкая сфера свободы означает и необходимость принять на себя любой риск за собственные решения и выбор. Конечно, в рамках Евросоюза опасность отхода от демократии относительно невысока, но не исключено, что перспектива потерять через несколько лет финансовую поддержку национальной экономики может пробудить антиевросоюзовские настроения — тем более, что евроскептиков у нас в стране немало, хотя на эту группу не обращают внимания.

Как этому противостоять? В помещенном возле цитированной статьи интервью профессор Чапинский (не в первый уже раз) указывает возможность противодействия: «Я призываю к подлинной реформе образования, которая могла бы произойти без особых затрат. Следует изменить философию обучения и перенять ряд скандинавских решений. Пусть дети перестанут зубрить дефиниции, давайте ставить перед ними проблемы для решения, при этом учить их сотрудничеству. (...) Мы ничего не делаем, чтобы пробудить новую общественную энергию, повернуть поляков к самим себе, усилить привлекательность институтов государства. Без этого я не вижу шансов преодолеть очередной порог развития, которым станет строительство инновационной экономики».

По вопросу строительства инновационной экономики на тех же страницах высказывается экономист и политолог Павел Свобода в статье «Страх может быть ловушкой». Среди условий, необходимых для дальнейшего развития реформ и изменений в Польше, он указывает, на что следует обратить внимание: «Прежде всего на смену поколений в политике и в бизнесе. Следствием того, что нами правит поколение борьбы за свободу 1980-х, стало «пограничное обострение» между государством и экономикой. По мысли одного крыла, имеет ценность только либерализм и экономическая свобода. У других доминирует уверенность, что движущей силой может быть только государство. Так мы и барахтаемся между двумя крайностями. (...) В бизнесе же именно смена поколений может отвечать изменившимся системам ожиданий. В трансформирующихся экономиках, таких как наша, первое поколение людей бизнеса хочет прежде всего позаботиться о себе и своей семье. О том, чтобы шире развернуть крылья, об экспансии за границу думают немногие. (...) Второе большое изменение, которое необходимо, — это проект действительного превращения поляков в субъектов — как потребителей, предпринимателей и граждан. Мы пока всё еще страдаем от патриархальной системы отношений, особенно заметной в секторе здравоохранения. (...) Третье — это необходимость изменения парадигмы, касающейся роли государства в экономике. Государство уже не может «создавать условия» для экономической деятельности, заботиться о безопасности и инфраструктуре. Если оно не станет крупнейшим модератором социальных перемен, то станет играть всё более тормозящую роль в нашем развитии. В этом отношении европейский и мировой центр тяжести давно уже переместился. Мы должны это как можно скорее осознать. Все это означает, что модернизация ради самой модернизации уже не может быть в Польше достаточной целью. Уровень нашего развития приличный, но недостаточный, чтобы позаботиться о непосредственных потребностях. Возможностей в такой ситуации четыре. Самое простое — продолжать поддерживать то, что имеет смысл, но без радикального продвижения. В условиях растущего давления извне результатом может оказаться только медленное увядание. Во втором сценарии нас может охватить парализующий страх перед будущим, логическим следствием чего станет только углубляющийся застой. В-третьих, мы можем стать площадкой для политико-экономического эксперимента, которому подвергается сейчас Венгрия. Его можно пережить, но он может принести и большой вред. Наконец, есть «наступательный» выбор: пробуждение новых ожиданий у поляков — как во власти, так и в

обществе, — что даст возможность более быстрого развития. «Пессимизм — это привилегия», — говорил политолог Иван Крастев. Бедняки не знают пессимизма, им ведома лишь фрустрация. Наша обязанность — это желание бороться. В период нехваток мы обязаны выбраться из самой опасной ловушки. Правительство Дональда Туска говорит: сегодня важна не конечная цель, а направление движения; а если дорога будет по возможности ровной, без ухабов, то и этого достаточно. Таким мышлением руководит страх перед последствиями смелости. Однако во времена, которые сейчас наступают, страх может быть только ловушкой».

С этим трудно не согласиться. Но снова вырисовывается парадокс, состоящий в том, что возрастание свободы, в том числе в области экономики, означает снижение чувства безопасности. Риск в том случае, если предпринять настоящие, радикальные реформы, будет возрасти. Это правило без исключений. Но нет ни одной области человеческой активности, которая развивалась бы без принятия более или менее рискованных решений, без ломки готовых схем, без инновационного мышления. А в том, что такое мышление возможно, убеждает статья Шимона Кравеца «Визионеры с берегов Вислы», опубликованная в еженедельнике «Впрост» (2013, №41):

«У нас какая-то проблема с ментальностью. Несколько десятков лет мышления о том, что «они» на Западе лучше, а «мы» хуже, принесли плоды. В то время как всё наоборот. То, что есть у нас и чего нет в других странах Западной Европы, — это много молодых людей, которые многого хотят. На Западе распространено мышление: если у отца не было высшего образования, то и мне не надо. Поляки более мотивированы к деятельности, они лучше образованы, им — хочется. Достаточно указать важную цель, дать средства, и они будут бороться до победы. Рано или поздно мы сделаем прорыв в косном мире западного бизнеса, — приводит в статье мнение профессора Януша Филипяка, создателя информационной группы «Comarch» из Кракова, выдвинутой на премию «Инноваторы 2013», присуждаемую наиболее инновационным фирмам (...) Филипяк уже несколько лет назад вошел в приоткрывшиеся двери западных технологических концернов. Его последними разработками в области информатики пользуются BMW, «Кока-Кола», «T-Mobile». «Мы бы не заработали в нашей фирме даже пол-евро, если бы наши продукты не были инновационными, этапными, если бы мы не опережали конкурентов. Поэтому я ничуть не задумывался, действительно ли следует направить в минувшем году свыше 100 тыс. злотых на исследования и развитие», — добавляет профессор Филипяк».

Статья Кравеца — это своего рода каталог новаторских и инновационных технологий, разработанных в Польше и получивших успех за границей. И всё-таки... «Перечисляя примеры польских технологий, мы гордо надуваем щеки, но в рейтингах инновационности из года в год выглядим все слабее. В шестом издании авторитетного доклада «Global Innovation Index» (начиная с 2007 г. оценивает уровень инновационности в 142 странах) Польша заняла 49-е место и опустилась на пять позиций по сравнению с предыдущим годом. Мы оказались сразу за Румынией и прилично отстали от Болгарии. По мнению многих экономистов, в этом сыграло свою роль плохое использование средств Евросоюза, которые, вместо того чтобы попасть к настоящим инноваторам, были проедены малыми предприятиями. Профессор Тадеуш Бачко из Института экономики Польской Академии наук полагает, что в Польше имеется достаточный потенциал, чтобы мы располагали фирмами глобального масштаба. Чтобы этот потенциал не растратить, следует создать систему поддержки инновационности, поощряющую лучших, хотя бы налоговыми стимулами. «Наше преимущество — это рвущиеся к успеху талантливые молодые люди. У нас нет класса старых белых воротничков, 60-летних при власти, как, например, в Германии. Немец хочет зарабатывать 4 тыс. евро и выходить с работы в 17.00. А поляки хотят большего», — подводит итог профессор Филипяк».

И в заключение всех этих веселых рассуждений — еще несколько слов из «Газеты выборчей» (2013, №231), из статьи «А в Польше старикам скверно» Павла Гавлика и Юстины Сухецкой: «Пожилым людям лучше всего живется в Швеции, Норвегии, Германии, Голландии и Канаде. США оказались на восьмом месте. Китай — на 31-м. Польша опередила африканские и южноазиатские страны и некоторые государства Центральной Америки. Среди европейских стран за нами оказались только Черногория, Молдавия, Россия, Сербия, Турция и Украина. При формировании совокупного индекса жизни пожилых людей (Global Age Watch Index) сравниваются покупательная способность их доходов, ситуация со здоровьем, образование, возможность трудоустройства. Базу данных составили доклады и отчеты, в частности Всемирного банка, Всемирной организации экономического сотрудничества и развития, Евростата, Всемирной организации здравоохранения. Использовались также данные Института Гэллага, касающиеся самооощущения жителей разных стран. «Наше место в рейтинге показывает, что мы — страна ужасная и жестокая, где отношение к пожилым фатально», — так комментирует ситуацию Ежи Овсяк. (...) Хуже всех в мире мы выглядим в категории психического самочувствия людей старше пятидесяти по сравнению с 35-49-летними. Вопрос звучал: имеет ли смысл ваша жизнь? В Польше его видят 60,4%, а в Германии — все 100, что означает, что пожилые там себя ощущают столь же хорошо, как молодые. Плохо обстоит в Польше дело с образованием и работой для лиц в возрасте 55-64 года. Работает едва ли 34% из них, а среднее или высшее образование имеет 60,7% (...) Как оценивает доктор Бондыра, образованность — это производная того, что делалось в ПНР. Взрослых людей, которые прервали формальное образование, не имеет

всё же смысла уговаривать окончить школу, а лучше направлять в систему непрерывного образования. Для них лучше двухмесячный курс по профессии, потому что у них нет возможности два года ходить в школу. В Польше нам еще предстоит вырабатывать такую модель».

Так что хорошо бы перед политикам, куда они ни бросят взгляд, повсюду расклеить табличку: «Учись, глупышка!» А пока что я радуюсь куплетам из старого доброго «Кабаре пожилых господ» — может быть, самого лучшего в своем роде представления тех времен, причем не только в ПНР: «Как весела жизнь старичка!»